

А.Ю. Можайский
кандидат исторических наук, доцент Института классического
Востока и античности Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник
лаборатории управления инновационными проектами
и интеллектуальной собственностью Института стратегии
развития образования Российской академии образования

М.С. КУТОРГА: РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ СРЕДИ ЗАПАДНЫХ АНТИКОВЕДОВ¹

По мнению русского исследователя В.П. Бузескула – автора очерка разработки греческой истории в XIX и начале XX в., М.С. Куторга (1809–1886) – «первый выдающийся и совершенно самостоятельный русский исследователь в области изучения греческой истории». В начале XX в., когда Бузескул писал эти строки о Куторге, его заслуги уже были оценены, а видный русский исследователь и переводчик с древнегреческого Ф.Г. Мищенко написал о Куторге, что тот «соединял в себе увлечение гуманиста, начитанность эллинистов XVII в. и критический такт ученого нашего времени»². Михаил Семенович получил образование сначала в Петербургском, затем в Дерптском университете, а после – за границей, где посещал лекции таких исследователей, как А. Бек, Л. фон Ранке и Ф. Раувер. Подобное комплексное обучение позволило ему воспринять «критический метод» европейской исторической науки³. Действительно, М.С. Куторга еще в Дерпте познакомился с передовыми по тем временам трудами по истории Греции и Рима. Например, на одном из экзаменов М.С. Куторгу спрашивали об учении Бартольда Георга Нибура. За границей Михаил Семенович слушал лекции, посещал музеи и работал в библиотеках Копенгагена, Вены, Мюнхена, но больше всего – в Берлине. Кроме того, значительное влияние на молодого Куторгу оказали работы французского историка Франсуа Гизо, под влиянием которого Куторга развил концепцию классовый борьбы применительно к истории Афин⁴. Зарубежные и российские исследователи отмечают, что некоторые страницы «О демократии во Франции» Гизо вполне могли бы быть написаны Карлом Марксом, признававшим Гизо одним из создателей классовой теории⁵. М.С. Куторга, начиная с 1830-х гг., развивал эту теорию в России. Вернувшись из-за границы, он в 1835 г. начал преподавать в Петербургском университете; в 1838 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором, в 1848 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В 1869 г. Куторга покинул Петербургский университет и перешел в Москов-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2020 гг. №27.8089.2017/БЧ «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

² Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / вступ. ст. и общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2005. С. 363.

³ Скворцов А.М. М.С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семеновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. История. №12(150). Вып. 31. 2009. С. 125–130.

⁴ Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 43. Таллин, 1956. С. 3–37.

⁵ Triomphe P. L'Europe de François Guizot. Paris, 2002. P. 84; Танышина Н.П. Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2016. С. 122.

ский, где преподавал до 1874 г., после чего продолжал научную деятельность в своем имени¹.

Основные работы Куторга посвятил вопросам истории Греции архаического и классического периодов, многие из них были изданы на французском и немецком языках, что сделало его имя известным за границей². Ссылки на работы М.С. Куторга можно найти в трудах многих западных исследователей, включая Дж. Грота, который в своей «Истории Греции» отмечал, что «профессор Куторга из Санкт-Петербурга проследил и проиллюстрировал фундаментальные аналогии между социальной классификацией греков, римлян, германцев и русских в ранние времена» (перевод мой. – А.М.)³. Грот признал вклад Куторги в историю Аттики, но некоторые обобщения по другим вопросам в работе Куторги «*Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité*» кажутся Гроту основанными на ненадежных источниках⁴. Следует отметить, что Куторга был против гиперкритицизма в исследованиях. Так, по его мнению, новейшие писатели «не только достигли, но и перешли крайние пределы мудрствования в своих так называемых критических разысканиях»; и далее: «мы думаем, что история древнейшего периода Греции не в такой степени недостоверна, как смотрят на нее теперь писатели, посвящающие себя ее изучению; что в повествованиях историков содержится истина, основанная не на изустном предании, а на подлинных исторических памятниках; что с древнейших времен существовала в Греции письменность, доставившая историкам возможность приобрести положительные данные; и что рассмотрение древнейших событий подтверждает эти положения, нисколько их не опровергая. Мы дошли до этого мнения не путем отвлеченных соображений и не развивая какую-либо затаенную мысль, а внимательным разбором эллинских историков, стараясь отыскать в их известиях тот именно смысл, который они сами разумели, и разъясняя их показания подобными же явлениями у других народов»⁵.

Обратимся теперь к исследованиям Куторги, которые он провел в Греции, а именно – в Беотии, так как одно из них стало широко известно в западном научном сообществе. Научное путешествие Куторги по Греции состоялось в 1860–1861 гг. Результаты проведенного в Беотии и ее пограничных регионах исследования местности М.С. Куторга изложил в двух работах. Первая была написана на французском языке и вышла в журнале «*Revue Archéologique*»⁶. А. Уокер и Х. Гоулдман отмечают, что эта публикация Куторга была первым детальным описанием Гал⁷.

¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 161–163.

² См. напр.: Koutorga M. *Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité*. Paris, 1839; Koutorga M. *Beiträge zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen* // *Bulletin de la classe historico-philologique de L'Académie des sciences de St. Petersburg*. VIII. 1851. P. 87–96; Koutorga M. *Essai historique sur les trapézites ou banquiers d'Athènes précédé d'une notice sur la distinction de la propriété chez les Athéniens*. Paris, 1859; Koutorga M. *Mémoire sur le parti persan dans la Grèce ancienne et le procès de Thémistocle* / par m. de Koutorga. Paris, 1860; Koutorga M. *Recherches critiques sur l'Histoire de la Grèce pendant la période des guerres Médiques*. Paris, 1861; Koutorga M. *Examen de la dissertation de Richard Bentley sur l'authenticité des lettres de Thémistocle*. Paris, 1861.

³ Grote G. *History of Greece*. Vol. III. Boston, 1852. P. 62.

⁴ Сам Грот не аргументирует свою позицию, ограничиваясь словами: «Respecting the early history of Attica, however, many of his positions are advanced upon very untrustworthy evidence». – См.: *Ibid.*

⁵ Куторга М.С. О достоверности древнейшей греческой истории // *Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги*: В 2 т. Т. 2. СПб., 1896. С. 19–20.

⁶ Koutorga M. *Les villes de Cyrtanes et de Corsia et les ruines d'Halae* // *Revue Archéologique*, 1860. P.390–395.

⁷ Walker A.L., Goldman H. *Report on Excavations at Halae of Locris* // *American Journal of Archaeology* 19.4, 1915. P. 418–437.

Однако, если эта франкоязычная статья Куторги была известна европейскому читателю, то русскоязычная работа 1874 г. «Платей: отрывок из путешествия по Греции», вышедшая в «Русском вестнике» М.Н. Каткова, осталась неизвестной за пределами России. Между тем, это весьма обстоятельный труд, вероятно, опередивший свое время¹. Следует сказать, что мы провели собственное исследование в области Платей² в Беотии и наработки Куторги очень помогли. Это исследование было положительно оценено западным сообществом, а главное, стало ясно, что работа Куторги о Платеях актуально и сегодня. Наряду с вопросами, связанными с греко-римским периодом, сведения Куторги приоткрывают нам скрытый ландшафт славянских названий, которыми все еще пользовалось население Парасопии в XIX в. Открытые Михаилом Семеновичем славянские топонимы прибавляют аргументации в пользу существования в Платеях греко-славянского поселения в VII–X вв.

Заметим, что если ранние работы Михаил Семенович часто публиковал на немецком и французском языках, то в поздний период он публиковался, в основном, на русском (если не исключительно на русском). С чем это было связано? Нам, с моей коллегой В.К. Пичугиной, удалось найти в архиве М.С. Куторги несколько документов, которые, по-видимому, приоткрывают мысли исследователя по вопросу языка публикаций³. Здесь мы приводим лишь ключевые моменты из этих лекций, отвечающие на поставленный вопрос.

«Об образованности»⁴

«Конечно образованность, как явление общечеловеческое, может иметь несколько степеней. Эти деления способствуют нам для определения ее в нациях, и, следовательно, для оценки положений этих наций среди образованных государств. Степеней мы принимаем три: образованность низшую, общую или среднюю и, наконец, высшую или специальную. Под образованностью низшею мы разумеем сведения, приобретенные массою народа; она вместе с образованностью средней, заключающей в себе все общечеловеческие сведения и оставляющей принадлежности образованных сословий, служит нам мерилем при сравнении образованностей наций. Так, говорят: образованность французская, образованность германская и т.п. Но сверх этого есть образованность специальная, университетская, составляющая удел небольшого количества людей, независимых по положению и характеру.

Итак, в каждой нации эти три степени существуют, но необходимо, чтобы они самостоятельно вырабатывались из самого народа, чтобы образованность эта была, так сказать, собственностью, а не чуждою для него формою. Тогда только нравственное благосостояние народа может быть полно, тогда только может действительно приносить пользу, когда образованность распространилась и утвердилась из самого народа, из исключительно ему принадлежащей творческой деятельности. Эта творческая деятельность, деятельность самостоятельная; обуздывать ее значит останавливать естественный ход развития. Правительство не создает ничего, что составляет творческой деятельности народа. Оно только может содействовать и брать на себя инициативу. Творческая же деятельность правительства ограничивается тем, что мы называем администрацией. При естественном развитии народа, при самостоятельном направлении его творческой деятельности образованность естественно будет национальной, т.е. результатом умственной деятельности большинства нации. Напротив

¹ Куторга М.С. Платей: отрывок из путешествия по Греции // Русский вестник. 1874. С. 439–479.

² Mozhajsky, A. Yu. In the Footsteps of M.S. Koutorga, the First Russian Explorer of Boiotia // Teiresias, 49.1. 2019. P. 1–19.

³ Данные документы, видимо, представляющие собой тексты лекций Михаила Семеновича, были недавно опубликованы нами – см.: Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Особенности «народной образованности»: М.С. Куторга в пространстве высшего образования России и Европы // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 7. С. 96–104.

⁴ Куторга М.С. Об образованности // ОР РНБ. Ф. 410. Д. 72. Л. 1–9.

того, если на народ налагаются чуждые ему формы, то развитие его замедляется. Образованность проникает с трудом в глубину народа и придает ему не тот национальный характер, который присущ каждому народу. Разительный пример представляет нам Россия со времен Петра I. До его воцарения Россия развивалась самобытно, вырабатывая свой государственный быт и свою внутреннюю жизнь. Великий Петр, движимый глубоким патриотизмом, наложил могучей своей рукой на народ русский формы ему чуждые, извне принесенные. Народ их принял с трудом и только их наружным образом. Внутри же оставалась в течение 150 лет та же, если еще не бóльшая грубость, и полное онемение. В настоящее время народ русский проснулся от долгого сна, он тронулся и быстро движется по пути самобытной цивилизации, задержанной в течение 150 лет, на колее своего естественного развития».

Вывод, который мы можем сделать, следующий: опора на западное образование, а не слепое копирование, кажется Михаилу Семеновичу необходимой для того, чтобы явить миру особый тип образованности – русскую образованность.

Быть может, этот документ написан близко по времени к его статье 1873 г., когда уже будучи профессором Московского университета, М.С. Куторга развивает идеи народной образованности в программной статье «О науке и ее значении в государстве»¹, которая вызвала широкий общественный резонанс. В этой статье Куторга доказывает, что процветание общества зависит от самобытности умственной деятельности народа, и укоряет соотечественников в заискивании перед западной наукой. Человек, несколько раз побывавший в заграничных научных путешествиях, пишет следующее: «Мы думаем теперь о Западе, не об эллинизме; наши взоры обращены к Германии, Франции, Англии (...) Мы старательно подражаем тому, что там происходит и что там принято; спешим с трепетным нетерпением как бы изменить себя по чужеземному образцу, и считаем свое воспитание неоконченным до тех пор, пока не побываем в образованных странах западной Европы»². Далее М.С. Куторга несколько смягчается и утверждает, что «принятие чуждой, но высшей образованности» осуществляет любой народ: без знакомства с научными достижениями других нельзя проектировать свои оригинальные идеи. Пробудить творческий дух народа можно только обратив его внимание на знания, полученные другими народами. В этой статье М.С. Куторга снова повторяет мысль о том, что народ может обречь себя на «вечное духовное рабство», если увлечется восприятием чужого готового знания.

Таким образом, взгляды Михаила Семеновича Куторги на просвещение и науку претерпели значительные изменения. В последний период своего творчества (1870–1880-е гг.) он старался работать на почве национального языка и искал национальные траектории развития науки и просвещения. Получив признание за рубежом среди западных антиковедов, Михаил Семенович посвятил дальнейшую жизнь созданию отечественных традиций научного и образовательного развития.

¹ Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Т. 104. С. 5–61.

² Там же. С. 8–9.